

ВСЕ ОКАЗАЛОСЬ не совсем так, как я себе представлял. Почему-то ожидал увидеть квартиру-музей, хотя знал, что Илья Самойлович Зильберштейн передал свою коллекцию картин и графики для первоосновы Музея личных коллекций, который по его инициативе должен быть создан при Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Но в том, что я увидел, приоткрылась иная, глубинная, рабочая суть коллекционирования, освобожденная от нарядной оболочки. Кругом были книги, альбомы, папки — обычная обстановка дома ученого-гуманитария. И первый мой вопрос к Илье Самойловичу был не о картинах, а о том, как он понимает само явление собирательства.

— Собирателем можно назвать человека, когда он глубоко увлечен каким-то видом культуры и, разыскивая и собирая все относящееся к нему, познает истинное счастье. Ищешь, долго не можешь найти. Приходится себя во многом ограничивать — сколько я себя помню, у меня был один-два костюма — и ты счастлив. Вот у нас сейчас столько говорят о досуге молодежи, о том, какой выход найдут себе ее силы...

— ...и какие именно силы, лучшие или худшие?..

— Я вам сейчас приведу замечательные слова Горького. В 1911 году он писал своему другу старому большевику Николаю Евгеньевичу Буренину: «...Искусство действует, как солнце, оно возбуждает энергию». Человек начинает тянуться к познанию прекрасного, к познанию мира. Собирачество и есть выражение этой тяги.

Не знаю, как сейчас, а в моем поколении уже примерно с восьмилетнего возраста начинали коллекционировать марки. Были марки изумительной красоты, их было так интересно собирать! По ним мы многое узнавали и из географии, и из истории.

И еще: собиратель — это человек, который сохраняет собранное как единое целое. Поэтому он непременно должен думать о будущем своей коллекции. Есть много очень печальных примеров того, как ценнейшие собрания были пущены на ветер родственниками, которые не видели в них ничего, кроме денег. Вот почему я и выступил с предложением создать Музей личных коллекций. За последние два года я несколько раз говорил об этом в печати, говорил и на учредительной конференции Советского фонда культуры. Приняты все необходимые решения на самом высоком уровне, но дело создания музея вперед не движется. Выделенное для музея здание на Волхонке, 14, в котором в свое время жил В. И. Суриков и бывали многие выдающиеся люди, по-прежнему занято объединением «Автоэкспорт». Хотя при нормальном положении вещей и музей давно должен был быть открыт, и сам дом, для него предназначенный, должен был стать музейным.

Я смотрел на сиротливо свисавшие со стен шнуры, к которым раньше крепились картины, и мне хотелось спросить у Ильи Самойловича, не жалко ли ему было расставаться с ними. Но он опередил мой вопрос:

— Меня многие спрашивают: не жалею ли я, что передал в дар свою коллекцию? Нет, не жалею — при том условии, что будет сохранена ее целостность...

— Расскажите, пожалуйста, об истории вашей коллекции, о том, как вам удалось ее собрать.

— Первые приобретения были сделаны, еще когда я жил в Одессе, — это были два рисунка Бориса Григорьева. А в 1923 го-

тановлюсь на этом отдельно — наши бывшие соотечественники за рубежом, которые, я бы сказал, с великой теплотой относятся к моим собирательским усилиям и хотят, чтобы след от их собственных поисков остался на Родине. Им я обязан многими приобретениями.

От живущего в Париже Владимира Николаевича Звегинцова я получил портрет Марии Волконской работы Петра Федоро-

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СОБРАЛ МУЗЕЙ

У нас в гостях лауреат Государственной премии СССР доктор искусствоведения Илья ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

вича Соколова, на котором она изображена с сыном. Сын Волконских родился уже после ареста отца, декабриста Сергея Волконского. Отец его не видел, и именно с этим портретом Мария Волконская отправилась к мужу в Сибирь.

И это не единственный дар Звегинцова. От него я получил и передал в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР дневник и воспоминания его прабабушки Анны Алексеевны Олениной, которой Пушкин посвящал стихи и даже собирался на ней жениться. Владимир Николаевич прислал мне письмо, в котором есть замечательные слова: «Вы не можете себе представить, какой камень упал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину».

В общей сложности, после трех моих зарубежных поездок я передал в ЦГАЛИ СССР 18 тысяч документов. Кроме того, в Париже мне удалось найти два автографа Ленина и неизвестное ранее письмо Горького Ленину. Дело в том, что от революционной переписки Ленина и Горького сохранились 47 писем Ленина и — до этой находки — всего три ответных письма Горького. Новонайденное четвертое письмо особенно ценно потому, что на него имеется подробный ответ Ленина.

— Илья Самойлович, масштабы и результаты ваших поисков наводят на мысль: мы, как правило, недооцениваем, что может сделать — и не только в собирательстве — один человек...

— Но меня сейчас волнует вот что: зедь цель и смысл собирательства, на мой взгляд, состоят в том, чтобы, сохранив реликвии культуры, сделать их доступными народу. Первая моя статья, в которой я предложил создать Музей личных коллекций, появилась два года назад. Полтора года прошло с тех пор, как было принято решение о создании музея, и уже около года, как ему выделено помещение. Пришла пора сделать выводы. Пройдет еще месяц — полтора, и возможность создания

музея будет упущена — ведь если не будет обеспечена целостность и сохранность коллекции, то дарственная потеряет силу. Испытываешь чувство обиды, думая обо всем этом.

Надо вспомнить не только о художественных собраниях, уже переданных или обещанных Музею личных коллекций, но и о тех многочисленных произведениях и документах, которые вот-вот могут быть утрачены, да и о тех, что до сих пор пребывают в архивах и в музейных запасах, оставаясь недоступными.

— Мне кажется, та ситуация, которая сложилась сейчас вокруг Музея личных коллекций и многих других начинаний в области культуры, выражает чрезвычайно характерное для нашего времени противостояние. С одной стороны — люди творческие, которые бескорыстно и изо всех сил добиваются того, чтобы что-то сделать. С другой стороны — чиновники, которым не нужно ничего.

— Чиновники мешают всякому настоящему делу и получают за это зарплату. Из-за этого мы многое теряем каждый день и очень многое уже растеряли. Вот и жалуюсь, что молодежь не знает, куда себя девать. А разве не связана с этим проблема — личные коллекции и их наследники; в огромном большинстве случаев те, в чьи руки попадает собрание или личный архив, совершенно глухи к тому, что вдохновляло собирателя.

— Давайте обратимся к истории. Вспомним, какую роль в развитии нашей культуры играли просвещенные, интеллигентные семьи, особенно в провинции. Почти каждая такая семья была настоящим очагом культуры.

— Вот и надо восстановить эту традицию, создать такие условия, при которых личное собирательство будет встречать отношение действительно заинтересованное и все ценное, что собрано коллекционерами, будет становиться общим достоянием. Иначе мы окажемся плохими наследниками.

ЭТОТ разговор мне бы хотелось закончить вот каким послесловием. Директор Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Ирина Александровна Антонова писала о коллекции Зильберштейна: «Это собрание живописи и графики — по существу, самостоятельный музей... Думаю, что даже за несколько десятилетий собирательской деятельности нашего музея — а мы постоянно покупаем хорошие произведения — нам бы не удалось собрать подобной коллекции, потому что вещи такого качества встречаются крайне редко».

Читая это, я вспоминаю слова, сказанные лет двадцать пять назад Анатолием Аграновским в статье о враче-пенсионере, энтузиасте Курбаке, взявшемся снабжать медицинские учреждения лекарствами. Аграновский писал, что у Курбаки есть перед снабженческими организациями великое преимущество: Курбака не учреждение, он — человек. Это преимущество есть и у Ильи Самойловича Зильберштейна, человека одной страсти — страсти благородной и возвышенной.

Беседу вел П. СПИВАК.